

Представления о прошлом и будущем и их конфликтный потенциал в приграничных регионах Украины (Одесская и Луганская области, г. Херсон).

Казалось бы, как документ, подписанный пару веков назад, может вызвать к жизни насилие сегодня? Как историческая личность, чьи кости давно истлели, может заставить сегодняшних людей взяться за оружие? Может ли прошлое болеть настолько, чтобы становиться источником трагических событий в настоящем? Рациональный ответ должен был бы быть отрицательным, но даже беглый взгляд вокруг дает положительный ответ. В данном исследовании мы попробовали найти объяснение этому противоречию психологическими методами. А именно – посмотреть на взаимосвязь исторической памяти и идентичности сегодняшних групп, реализуемую в конкретных, в том числе насильственных, действиях с точки зрения психологии. Почему в идущей войне всплыли «восстановление исторической справедливости», «фашисты», «бандеровцы», «георгиевская ленточка» и «дедывоевали» настолько, что сделали возможными невообразимые раньше действия – аннексии Крыма и последующей войны на территориях Донецкой и Луганской областей.

Целью исследования было выявить и описать содержательные и оценочные различия представлений об истории, настоящем и будущем представителей разных групп самоидентификации (этнической, региональной, гражданской), которые являются конфликтогенами и используются или могут быть использованы для войн памяти и конструирования разных программ будущего.

Идентичность и социальная память. Идентичность, как предмет исследования социологов, историков, психологов, конфликтологов, этнологов, культурологов, лингвистов, уже породила заметный объем научных и научно-популярных текстов. Как пример обзора теорий идентичностей можно привести статью Злывкова и Лукомской (..). Однако, вне зависимости от того, какое из определений социальной идентичности мы бы выбрали для этой работы, ключевой характеристикой ее было бы сочетание ее когнитивного (осознание принадлежности к группе), эмоционального (переживание этой принадлежности) и поведенческого (реальные действия, предпринимаемые человеком или группой людей, как результат этого осознания и переживания) компонентов. Если иметь в виду социальную идентичность как социальный конструкт, очевидно, что количество групп, конструирующих свою идентичность и конструируемых ею, практически неограниченно. Поэтому мы сконцентрируемся на тех группах и идентичностях, для которых социальная память является одним из инструментов конструирования. Соколов (...) пишет о том, что потребность в социальной памяти возникает в тех группах, которые обладают общими социальными смыслами, которые необходимо передать следующим поколениям. Например, такими группами окажутся этнические, региональные, национальные (формирующие политическую нацию), религиозные, но, например, не подростки или блондинки.

Коллективная память предстала как социальный конструкт, как результат целенаправленных усилий и как представление о прошлом на групповом уровне. Это есть живой процесс постоянного запоминания и забывания, но некоторые константы исторической (коллективной) памяти становятся ценностно значимыми для общества и входят в качестве важнейших составляющих в идентичность его членов. (Тишков Гефтер) Вместе с тем, эти константы коллективной памяти становятся значимыми не сами по себе, а как результат легитимации власти через идеологическое «злоупотребление памятью» в терминологии используемой П. Рикером. «На деле практикуемая память — это, если иметь в виду институциональный план, память, которой обучили; принудительное запоминание, таким образом, действует в интересах вспоминания событий общей истории, признанных основополагающими для общей идентичности. Следовательно, замкнутость рассказа ставится на службу идентифицирующей замкнутости сообщества. Преподанная история, история, которой обучают, но также и история восславленная. К принудительному запоминанию прибавляются мемориальные церемонии, поминания, установленные общим соглашением» (Рикер, с.125).

В результате мы имеем два «сообщающихся сосуда» - идентичность, конструируемая через манипуляции социальной памятью, и социальную память, отвечающую потребностям сегодняшней идентичности. Однако, проблема в том, что невозможно представить себе ни одно сегодняшнее общество, в котором люди довольствовались бы одной общей идентичностью и единой схемой социальной памяти. Любая политика идентичности имеет дело со сложными пересечениями гражданских, этнокультурных, региональных, религиозных, политических идентичностей в одном сообществе и разными системами социальной памяти. Причем, и то, и другое находятся в постоянном изменении, в постоянной трансформации вследствие своей непрочности. Рикер здесь видит непрочность памяти в трех причинах непрочности идентичности: а) ее непростое отношение ко времени, б) воспринимаемое как угроза столкновение с другим, в) наследование основополагающего насилия. «Это факт, что не существует исторической общности, которая была бы порождена чем-то иным, нежели так называемое изначальное отношение к войне. То, что мы восславляем под названием основополагающих событий, — это по существу насильственные деяния, узаконенные постфактум государством с непрочным правом, а в конечном счете — самой древностью, старостью. Одни и те же события для одних означают славу, для других — унижение. С одной стороны — восславление, с другой — проклятие. Именно таким образом в архивах коллективной памяти накапливаются реальные и символические обиды. В данном случае третья причина непрочности идентичности сливается со второй причиной» (Рикер, 124с.). Последнее особенно важно для понимания того, почему различные версии памяти могут реализовываться в конфликтном противостоянии реально существующих людей: не просто через конструирование различных интерпретаций одних и тех же событий «нами» и «ими», а через их ценностное означивание, эмоционально окрашенное обидами вместо проработки скорби по утраченному в прошлом объекту национальной любви, сколь абстрактным бы он ни был. Эти чувства (переживание угрозы «другого» своей идентичности) становятся более значимым фактором переживания солидарности, чем

когнитивное «знание истории», и механизмом, мобилизирующим на коллективные действия против той группы, которая выступает как «угрожающий другой».

Однако, конфликтный потенциал заключается не только в разнице переживаний социальной памяти. В идентичностных истоках войны, возникшей на территории Украины, начавшейся аннексией Россией Крымского полуострова и продолжившейся на территориях Донецкой и Луганской области, а также провокациями в Одессе и других городах, имеет смысл обратить внимание на систему идентичностей, также оказавшейся источником конфликта: имперская vs. национальная, национальная vs. этническая, национальная vs. региональная, региональная vs. этническая (под национальной идентичностью мы здесь и далее будем иметь в виду осознание и переживание себя частью политической нации). В это многообразие включены также религиозная и языковая идентичности. В других условиях и других ситуациях они могли играть ведущую роль конфликтогена, однако, в конкретном конфликте они, по-видимому, должны рассматриваться не как самостоятельные единицы, а как версию описанных выше идентичностей, поскольку в дискурсе приписываются социальной памяти этнической, национальной, региональной и других идентичностей.

Социальная память травмы: идентичность и конфликт.

В понимании мобилизирующего эффекта переживаний социальной памяти, пожалуй, ведущую роль играет концепт «коллективной травмы», взятый из психоаналитического подхода, как собственно, во многом и сам концепт «идентичности». Речь идет о травмирующем событии или событиях, которые через свою ценностную значимость, через значительную притом негативную эмоциональную окраску, формируют своеобразный «костяк» социальной памяти группы, становятся его «болевыми точками». В мирное время память о таких событиях практикуется в коммеморативных действиях – деятельности по материализации и публикации памяти (создание мемориалов и музеев, публичных практик поминовения, определение и принятие группой конкретных дат и смыслов событий, которые группе «следует» помнить). П. Рикер здесь проводит существенное различие между тем, ведет ли эта деятельность к проработке травмы, к собственно исцелению через работу скорби и принятие реальности утраты или к ритуальному повторению, которое сопротивляется критике и сохраняет постоянную привязку к утраченному объекту, что так удобно для идеологического манипулирования. «Понятие утраченного объекта находит прямое применение в трактовке «утрат», которые касаются власти, территории, населения, образующих субстанцию государства. Поведение скорби, охватывающее диапазон от выражения печали и до полного примирения с утраченным объектом, сразу же иллюстрируется великими траурными церемониями, вокруг которых сплачивается весь народ». (Рикер с116).

То, что конструирование идентичности (и национальной, и этнической, и региональной) на эмоциях травмы имеет политический вектор, отмечает и В. Тишков: «по некоторым сведениям, в настоящее время более 70 стран заняты проблемами преодоления исторических травм не просто в форме морального переживания, а именно

в форме государственной политики и общественно-правовых действий» (Тишков: гефтер), поскольку отношение к прошлому «важнее, чем сам факт установления исторической правды. Это именно «история для чего-то», т.е. история как политика» (Тишков. Гефтер). Будет ли это политика скорби и исцеления травмы или ритуализации повлияет на сегодняшнее группы и ее будущее.

Мифологизация и сакрализация таких событий, мешающая критической работе скорби, ведет к тому, что В. Волкан называет «избранной травмой» - «распространенный, общепринятый образ события, который вызывает у большой группы ощущения бессилия, жертвы и униженности со стороны другой группы». (Волкан) Группа как-бы «выбирает» такое событие, психологизирует и мифологизирует его и передает соответствующие чувства и образ события от поколения к поколению. В ходе этой межпоколенной трансмиссии образ события становится значимым маркером большой группы. Группа включает этот общепринятый образ травмирующего события в свою идентичность, вследствие чего «избранная травма» имеет этноинтегрирующую и этнодифференцирующую функции. Такую же функцию интеграции «мы» и отделения от «они» можно наблюдать и в случае конструирования других типов идентичностей, о которых шла речь выше – наднациональной имперской, региональной и др.

Травма становится конфликтогеном тогда, когда происходит ее реактивация, которая порождает желание реванша, мести. Здесь в силу снова вступает эмоциональная составляющая идентичности и памяти, реализуемая в чувствах гнева, недоверия к «врагу», ожидания угрозы. Избранная травма ощущается так, как будто событие произошло вчера, т.е. происходит т.н. «коллапс времени». В этом процессе на роль этого «исторического врага» номинируется сегодняшняя группа «других» - этническая, национальная и т.д. Именно поэтому, сегодняшнее слово «фашист» в сегодняшнем конфликте не имеет смысла опровергать рациональными политологическими аргументами. Оно используется как ярлык для «другого», как ярлык для «врага», нанесшего избранную травму. Как пишет Волкан, факт и фантазия, прошлое и настоящее становятся тесно и сильно перемешаны.

Историческая память и историописание обладают властью предписания и определения ценностей и норм поведения, а также мотивов действия. (курсив наш). В основе новой исторической культуры, помимо названных характеристик, лежат моральные аспекты. Моралистский подход к истории порождает амбивалентность оценок и отношений к историческим событиям и личностям. (Тишков. Гефтер). Конфликт предполагает, таким образом, что насилие становится поведенческой нормой и получает моральное оправдание «справедливого реванша», «защиты» от другого. Современное насилие становится оправдываемым чувствами «избранной травмы».

Память и время.

Прошлое-настоящее-будущее.

Несмотря на то, что речь до сих пор шла в основном об истории, о прошлом, в психологическом плане временной континуум включает в себя все три компонента – прошлое, настоящее и будущее. Настоящее, из которого мы смотрим в прошлое и воображаем будущее. Поэтому любая политика, направленная на предотвращение идентичностных конфликтов, должна быть ориентирована на все три хронологических отрезка, причем в их психологическом, а не астрономическом измерении. Границы прошлого-настоящего-будущего в психологическом смысле неоднозначны, подвержены определенным психологическим механизмам, что также влияет на конструирование разных представлений о событиях, их значимости и их оценку у идентичностных групп.

В самом слово «со-бытие» заложена некоторая не автономность, зависимость его участника или наблюдателя. Так, Кроник и Кроник определяют «со-бытие» как «некоторые перемены в жизни, важные для социальных отношений с другими «соприкосновение, взаимопересечение судеб» (...). В таком понимании изучаемого феномена событие социальной памяти – как раз то, что в психологическом плане порождает у носителей идентичности группы ощущение сопричастности с группой, ее членами, вне зависимости от того, являются ли они современниками или нет. Если событие воспринимается как важное для истории группы, оно воспринимается как влияющее на судьбы и последующих поколений группы и его образ передается потомкам в социальной памяти группы.

В этом смысле возникает вопрос о психологических границах отрезков прошлого-настоящего-будущего. В психологическом смысле эти границы и собственно локализация события в том или ином временном отрезке определяется психологической завершенностью события. Кроники: сквозные актуальные связи, которые порождены неоконченными событиями прошлого, вызывают стремление свести концы с концами. В результате события-начала (хронологическое прошлое) и события-концы (хронологическое будущее) «стягиваются» к текущему моменту и оказываются на территории психологического настоящего. Если же событие не может быть окончено в принципе – оно приговорено на вечное поселение в нашем настоящем» (с12) По эффекту Зейгарник. (...) Последнее также можно рассматривать и как механизм «избранной травмы» - событие, которое навечно поселяется в настоящем группы ввиду текущего переживания униженности «врагом», стремления отомстить или восстановить справедливость. «Коллапс времени», о котором упоминает В. Волкан возникает вследствие того, что данное психологически незавершенное событие воспринимается как протекающее в настоящем, в том числе за счет коммеморационных практик ритуализации.

На индивидуальном уровне закономерности локализации события во временном отрезке можно рассматривать так: «Понимание проблемы психологического настоящего как диапазона, ограниченного началом и концом одного события и пересекающего момент хронологического настоящего, в целом соответствует представлениям о «событийной» природе настоящего, т. е. зависимости его длительности от длительности событий — изменений в протекании процессов различного содержания и уровня. (с38)

1. Чем выше степень актуальности события, тем выше вероятность отнесения события к психологическому настоящему.
2. Чем выше степень реализованности события, тем выше вероятность отнесения события к психологическому прошлому.
3. Чем выше степень потенциальности события, тем выше вероятность отнесения события к психологическому будущему». (Головаха и Кроник Психол. Время личности. с42)

Добавим, что в психологической локализации событий, как будущих, значительную роль играют ожидания и опасения, а также психологическая готовность к субъектной позиции в отношении будущего - возможности его планирования и реализации этих планов.

Поле возможных конфликтов идентичностей в описываемых механизмах включает в себя, таким образом, различия в событийном наполнении временных отрезков, определении их границ, различия в оценке актуальности и значимости того или иного события и особенности представлений о будущих событиях, как передачи идентичности группы следующим поколениям.

Метод исследования.

Для исследования потенциально конфликтных смыслов прошлого-настоящего-будущего групп с разными идентичностями в приграничных регионах Украины была использована авторская модификация метода «Каузометрии», оригинальный вариант которого изложен Головахой и Кроником в «Психологическом времени личности» (...) Модификация метода для исследования социальной памяти различных групп идентичностей была нами впервые использована в Крыму в 2005г (...)

В нашем варианте методики мы ставили целью реконструировать социальную память разных групп в соответствии с идентичностным самоопределением респондентов и с помощью обращения к их социальной памяти. Респондентам предлагалось выбрать идентичность (гражданскую, региональную/городскую или этническую) и составить список событий, важных для выбранной группы идентификации последовательно для всех трех временных отрезков, датировать их и оценить эти события, как позитивные или негативные. Предлагаемый вариант анкеты – в приложении. Работа с методикой проводилась лично, в частности, в целях снятия страха респондента выглядеть не знающим историю (отдельно оговаривалось, что это не тест на знание истории, а исследование личного мнения об исторических событиях), а также для предотвращения использования справочной литературы при заполнении анкеты.

Выборка исследования.

Выборку составили 24 респондента, в возрасте от 18 до 67 лет, 11 женщин, 13 мужчин. Распределение респондентов по регионам:

Херсон - 4.

Одесса – 6.

Одесская область – 5.

Луганская область- 5.

Донецкая область – 4.

Обсуждение результатов. Конфликтогенные факторы в социальной памяти.

Среди опрошенных выбранные ведущие идентичности распределились следующим образом:

Граждан Украины - 12

Граждан СССР – 1

Одесса/Бессарабия – 5

Херсон – 1

Донбасс/Луганщина – 2

Этнический русский – 2

Этнический украинец – 1

Следует, однако, отметить, что распределение достаточно условно. В некоторых случаях человек выбирал одну идентичность, как ведущую, но в ходе выполнения работы осознавал, что отвечает по другой. В других случаях человек выбирал ведущей одну идентичность (например, гражданскую), но считал важным подчеркнуть и наличие этнической (например, болгарин). Многие респонденты отмечали субъективную трудность выбрать лишь одну из предложенных идентичностей.

Анализ ответов, таким образом, опирается на выбранную идентичность, за тем исключением, когда человек сам в ходе работы определял, что отвечает в соответствии с иной идентичностью (например, когда писал об истории города, выбрал изначально идентичность гражданскую). Возникновение таких ситуаций вполне может быть объяснено тем, что осознание и переживание своей идентичности гражданина Украины в последний год усилилось под влиянием событий ноября 2013-марта 2014 и последующей войны, однако, в содержательном плане, в частности, в конструировании идентичность через исторический маркер, этот процесс еще не получил своего развития.

Отметим также, что гражданская и региональная/городская идентичность в качестве ведущих встречались во всех исследуемых регионах. Поэтому категоризация

выборки и последующий сравнительный анализ полученных данных осуществлялись именно по идентичностям, а не по регионам.

Все упоминаемые респондентами события можно условно классифицировать по следующим категориям:

По типу события:

- Политические (например, Образование ЗУНР и УНР, Образование СССР, Северодонецк - политический сепаратизм, Выборы президента Порошенко)
- военные (кроме Второй мировой войны также русско-турецкая война, Гражданская война в СССР, война в Афганистане, Первая и вторая войны в Чечне),
- экономические (например, введение в оборот гривны, Падение курса валюты и экономический кризис),
- социокультурные и спортивные (например, Г. Сковорода и его философия, літературна дискусія, присвячена європеїзму в укр.літературі та мистецтві, Пушкинские наброски Евгения Онегина, становление науки и образования, утверждения постмодернистического культурного простора, «Мельпомена Таврии» – фестиваль, Евровидение, Евро-2012, Донецкий "Шахтер" - чемпион Украины, Олимпиада в Сочи)
- Трагедии (Голодомор, Катастрофа в Чернобыле, трагические события на Куликовом поле)

По уровню события:

- Международные (Членство в Лиге наций, затем в ООН, русско-турецкая война, Парижская мирная конференция, створення ЄС, борьба цивилизаций Востока и Запада)
- Государственные (Киевская Русь,)
- Локальные (взяття фортеці Ізмаїл російськими військами під командуванням О.В. Суворова, создание Политехнического университета, основание города – Одесса, Херсон, Херсонский майдан, приход в Северодонецк сепаратистов),
- Личные (мое поступление и начало жизни в Одессе)

Иногда респонденты с локальной идентичностью (региональной или городской) акцентируют местные особенности более обширных событий - «русско-турецкая война, подход турецкой эскадры, крестный ход всех жителей города, отступление флота», «уход жителей в катакомбы во время ВОВ», «звільнення Бессарабії від німецької окупації», «Освобождение Донбасса от фашистов».

Конфликтные смыслы социальной памяти у носителей гражданской, региональной и этнической идентичностей.

Вне зависимости от идентичности наиболее упоминаемыми событиями прошлого была II Мировая или Великая отечественная война, Независимость Украины, а также события ноября 2013-марта 2014 (мы сознательно не даем название здесь, поскольку вариант названия как конфликтоген мы будем обсуждать дальше).

Различия в наполненности событиями хронологий носителей разных идентичностей, упоминания или отсутствия того или иного события могут объясняться тремя факторами: носитель не считает событие важным вообще, не знает о нем, не считает важными для той группы, с которой себя идентифицирует. Наименее конфликтным представляется не знание о событии, поскольку оно не содержит никакой оценки события, которая могла бы быть другим носителем (той же или иной идентичности) воспринята как угрожающая.

Вместе с тем, не упоминается множество событий, которые могли бы быть включены в историческую память в других регионах – такие как «Бой под Крутами», «Руїна», территориальные изменения 18в., Валувевский и Эмский указы, период Директории или из более близкой истории акции «Украина без Кучмы» и др. Не упоминаются и многие имена, часто являющиеся предметом идентичностных споров и дискуссий – Князь Владимир Великий, И. Мазепа, Р. Шухевич. Событийные лакуны (периоды, в которые вообще никакие события не упоминаются никем из респондентов) также могут быть сохранять потенциал конфликтных смыслов. Например, такой лакуной оказался промежуток времени между Киевской Русью и возникновением казачества. Не используемые на данный момент социальной памятью события этого периода для конструирования ни одной из идентичностей могут быть использованы впоследствии, в частности, для закрепления существующих конфликтов русско-украинских идентичностей.

Поскольку инструкция ориентировала респондентов обращать память к событиям, очевидно, что количество персоналий по сравнению с собственно событиями относительно небольшое. Однако, упоминаемые исторические персоны также разнообразны – Ярослав Мудрый, Б. Хмельницкий, Г. Сковорода, Петр I, Екатерина II, А. Суворов, П. Орлик, О. Кобылянская, М. Вовчок, Л. Украина, П. Столыпин, В. Ленин, М. Грушевский, В. Винниченко, А. Гитлер, С. Бандера, М. Хвильовий. Из современников – Л. Кравчук, Л. Кучма, П. Порошенко, В. Путин, В. Янукович. Кроме очевидной конфликтогенности разной оценки личности и деятельности того или иного исторического лица, упоминание/восстановление в памяти конкретного деятеля соотносится со степенью значимости события и периода, в котором этот деятель принимал участие. И эта разница в степени значимости события также может служить основанием для конструирования разных идентичностей.

Психологические особенности дифференциации прошлого-настоящего-будущего могут служить фактором возникновения возможных конфликтов в нескольких вариантах: трансформация событийности в процессуальность и долженствование и наличие одного и того же события в прошлом и настоящем, настоящим и будущем.

Переход от прошлого к настоящему и будущему отмечается следующими изменениями:

- От событийности к процессуальности. Если при описании прошлого респонденты в основном пользуются дискретными фактами – называют конкретное, завершенное событие в прошлом, дата или период которого известны и ограничены известными временными рамками, то в настоящем и особенно в будущем они скорее называют процессы, которые протекают или могут случиться в будущем. Предположить временные рамки при этом затрудняются. Например, в настоящем называются такие процессы и состояния: кризисное состояние экономики, раскол общества Украины, становление политической нации, а в будущем - установление мирной жизни в Украине, розвиток економіки, економічна, політична і культурна відбудова країни, зниження соціальної напруги, восстановление Донбасса, повышение уровня жизни людей всей Украины, достойные безопасные престижные условия проживания, обнищание людей.
- От событийности (то, что случилось) к долженствованию (то, чему стоило бы случиться). В этом случае респонденты не столько пишут о том, чего они ожидают от будущего, сколько о том, что они считали бы в будущем нужно сделать: не допускать человеческих жертв, учитывать исторические факторы развития региона и уважать их, Украине нужен лидер, не допустить ситуацию войны в нашем регионе.

Очевидно так же, что само слово «ожидание» формирует у респондентов две тенденции в ответах – ожидание негатива, ожидание-страх и ожидание, как желание (в ряде случаев респонденты пытались уточнить, как именно нужно отвечать, на что получали полную свободу понимать слово «ожидание» в инструкции так, как считают нужным):

Ожидание-страх:

- Погіршення економіки, подальша ескалація конфлікту на сході України, наростання напруженості в українському суспільстві, Цени на продукти, одягу, услуги ЖКХ ростут, растет курс доллара и евро.

Ожидание – желание:

- Абсолютное большинство респондентов ожидает той или иной версии завершения военных действий в Украине: мир та спокій, нахождение мирных путей разрешения конфликта в Донбассе, припинення конфлікту на сході, конец братоубийственной войне на Донбассе.
- Территориальные, как общего так и частого характера: встановлення (збереження) цілісності території країни, Повернення Криму та Донбассу в склад України, Присоединение Юго-Востока Украины к РФ
- Экономические: Крепкую, сильную, развивающуюся страну со здоровой экономикой, Повышение уровня жизни народа Украины и развитие экономики

- Изменения во власти и политической жизни, которые видятся несколько по-разному: обрання відповідальної, патріотичної, професійної влади на центральному та місцевому рівнях, Президента хозяина своей страны, полная люстрация, честные выборы с высокой явкой, децентрализация власти и контроль громады за местным самоуправлением, приход во власть в городе достойных представителей органов власти
- Геополитические ожидания. Здесь большинство ожиданий связано с той или иной формой интеграции с ЕС: Вступ України в ЄС, Україна обере орієнтацію на Європу, полная евроинтеграция. Но также и ожидания других геополитических векторов: Украина даст толчок и России, и Белоруссии и другим странам, которые мы называли русскими (Узбекистан), чтобы скинуть колонизацию и олигархов, Серйозні проблеми з територіальною цілісністю Росії (посилення напруженості у відношеннях з Китаєм, здобуття незалежності окремих республік – Татарстан, Тува, зміна територіального устрою пов'язана із зміною етнічного та регіонального складу, Воссоздание конфедеративного союза славянских народов, Воссоздание конфедеративного союза славянских народов
- Локальные изменения: завершение реконструкции международного аэропорта Одессы, Утверждение Генплана Одессы, возрождение портов/судоостроительных предприятий, привлечение инвесторов в область
- Социальные и социально-психологические ожидания: Зниження соціальної напруги, Зростання патріотичних настроїв, відродження свідомості та виховання патріотизму, сплочение общества в Украине, реабілітація віськових після АТО, повернення їх до нормального життя, развитие креативного класса.

Упомянутые реформы, как ожидания от будущего, единично и, вероятно, не являются трендовыми в исследуемых регионах. В анализе ожиданий с точки зрения потенциальных точек конфликтности, на наш взгляд, стоит обратить внимание на следующие противоречия. Самыми очевидно конфликтными являются ожидания восстановления целостности страны и присоединения Юго-Востока к РФ или сохраняющийся конфликт интеграций – с ЕС или «конфедеративного союза славянских народов». Но кроме этого, потенциально конфликтными являются существующие одновременно ожидания президента-хозяина и децентрализации власти с контролем громады над местным самоуправлением. Еще менее явным, но также потенциально конфликтным является сочетание субъектно-объектной позиций в отношении с властью – ожидание, что «хорошая» власть придет, случится сама по себе, встречается значительно чаще, чем готовность и стремление контролировать власть, какой бы она ни была.

Не готовность формулировать для себя и для общества конкретные задачи на будущее также может служить почвой для конфликтов, поскольку отсутствие конкретизации и публичного обсуждения конкретных шагов экономического и социального развития сохраняет, с одной стороны, пассивную позицию, а с другой – сохраняет не проговоренными и не согласованными различия в видении желаемого будущего и стратегий его достижения. В качестве примера предложенных респондентами событий будущего, которые можно было бы назвать конкретными, можно привести

такие: принятие «электронного бюджета», где в интернете можно будет отслеживать состояние и использование бюджета, полное обеспечение семей погибших на Майдане и в войне. Такие ожидания способны приводить к конструктивному обсуждению путей их реализации, чем «досягнення цілей Євромайдану».

Следует так же отметить, что ситуация вооруженного конфликта существенно затрудняет для людей способность обращаться к планированию будущего. Состояние стресса в виду неопределенности реализации витальных потребностей, вплоть до потребности жить, утрата привычных стратегий планирования, неуверенность в завтрашнем дне с экономической точки зрения выражались для респондентов в сложности формулирования возможных событий будущего, их периодизации, что было заметно в сравнении с тем, как это задание удавалось нашим респондентам в Крыму в 2005г.

Границы прошлого-настоящего-будущего

Поскольку хронологические рамки прошлого, настоящего и будущего и их психологические рамки не совпадают, то психологическая «ошибка» хронологии и границы этих периодов может быть нескольких типов. «Ошибка» первого рода обнаруживается тогда, когда хронологически событие закончилось, но продолжается психологически. Например, отнесение Майдана 2013-2014гг. к настоящему, поскольку, с одной стороны, само событие уже свершилось и в нем уже нельзя ничего изменить, действовать в нем, но являющееся незавершенным, поскольку нет очевидных конвенционально согласованных результатов события. Другой пример респондент, которые все настоящее определяет как «все, после 1991г.». Здесь скорее можно говорить о том, что все, произошедшее с момента независимости Украины, психологически для респондента неприемлемо и «хороший период» закончился, а «плохой» длится, поскольку большинство событий прошлого он указывает, как положительные, а все события настоящего и будущего – как отрицательные. «Ошибка» второго рода заключается в том, что одно и то же событие один и тем же респондентом помещается одновременно в два временных периода. Такими событиями оказались два – Майдан 2013-2014 и текущая война. Если психологическое время Майдана в двух локациях можно объяснить схожим образом с тем, что мы привели выше (незавершенностью события в виде приемлемых, ожидаемых результатов), то второй феномен, вероятно, объясняется настолько сильным желанием его завершения, что психологически оно уже сейчас помещается респондентом в прошлое. «Ошибка» третьего рода также связана с желанием прекращения войны, которое, как событие помещается в настоящее. В этом случае, вероятно, вследствие сильного желания окончания войны за таковое принимается любое возможное перемирие.

Обсуждаемые «ошибки» психологической хронологии потенциально конфликтны постольку, поскольку отражают разницу эмоциональных переживаний событий разными респондентами и нереалистичность ожиданий.

Конфликтная интерпретация и оценка событий.

Различия в оценках событий в данном исследовании проявились в двух форматах: прямая оценка в ответ на запрос обозначить событие как позитивное или негативное и в виде особенностей означивания события, его формулировки.

Из наиболее конфликтных в плане различий прямой оценки событий следует выделить пару «Распад СССР»-«Независимость Украины», а также оба Майдана. Причем, если негативная оценка первого события (Распад СССР) встречалась только у респондентов Донбасса, идентифицировавших себя по региону или как граждан СССР, то негативная оценка Майдана-2004 встречалась и в других регионах, а также у тех, кто идентифицировал себя как граждан Украины. Если проблематичность коммуникации первых и вторых очевидна, то в случае выявления различной оценки такого события у тех, кто называет гражданскую идентичность ведущей конфликт может быть не столь предсказуем для носителей идентичности, поскольку причиной его будут ожидания от «своего» оценки события, схожей с собственной. При обнаружении таких различий в оценке события носители одной идентичности могут отказывать друг другу в легитимности этой идентичности друг у друга либо пытаться навязать свою оценку события, как «правильную» для этой идентичности, что безусловно, будет приводит к конфликтам.

Не менее конфликтной будет и разница в означивании события, поскольку оно также задает оценку и смысл события, значимый для конструирования идентичности. Ярким примером таких различий является пара «Вторая мировая война vs. Великая отечественная война». Другими наиболее выпуклыми примерами оказались Независимость Украины и текущая война. Варианты означивания этих двух событий респондентами были следующими:

1. Провозглашение Независимости Украины, образование независимого государства, здобуття незалежності, выход из состава СССР, обретение независимости, создание независимых государств после распада СССР (с негативной прямой оценкой), псевдонезависимость
2. Война на/в Донбассе, Військова аргесія Росії на Сході, АТО, україно-російська війна, військовий конфлікт, Восточный фронт, захист України від зовнішньої агресії, війна з росією та розгортання ворожнечі між громадянами України, братоубийственная война на Донбассе, междоусобные войны на территории бывшего Советского Союза

В приведенных примерах, равно как и в парах «присоединение Крыма vs. аннексия Крыма», «Государственный переворот в Киеве vs. Революція гідності», наиболее конфликтным видится вопрос «автора» события, а также легитимности и справедливости события и действий в нем. Здесь оценка события, выраженная в его означивании тем или иным образом, отражает переживание своей идентификации с «правой стороной» и

справедливость действий «своей» группы. Противоположная оценка переживается как угроза идентичности и угроза самому существованию группы. Причем в случае с означиванием текущей войны конфликтные ситуации наблюдаются не только при разнице в определениях сторон или обозначении агрессора, но и в случаях, когда более «локальная» формулировка (АТО, война на Донбассе) встречается с более широкой (україно-російська війна). Очевиден и конфликтный потенциал различий в использовании того или иного термина, описывающего событие – война, конфликт, антитеррористическая операция, агрессия и т.д., поскольку также определяет и (не)справедливость, (а)моральность действий всех акторов. Разнообразие формулировок свидетельствует и о том, что при всеобщей значимости событий для носителей разных идентичностей, само событие, как маркер идентичности, динамично и не является жестко зафиксированным (как например, в случае с Голодомором или Крещением Руси, где разницы в означивании не наблюдается)

Выводы.

Литература

1. Брунова-Калисецкая И.В. Образы истории крымчан как фактор идентичности. //Этнография Крыма XIX-XXIвв. и современные этнокультурные процессы: материалы и исследования. Вып.2./ Отв.ред. М.А. Араджиони, Ю.Н. Лаптев. – Симферополь, 2012 Стр. 50-60
2. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. — Киев: Наукова думка, 1984. - 209 с.
3. Зливков В. Л., Лукомська С. О. Розвиток уявлень про соціальну ідентичність у вітчизняній та зарубіжній науці // Науковий вісник Миколаївського державного університету імені В. О. Сухомлинського. Сер. : Психологічні науки . - 2013. - Т. 2, Вип. 11. - С. 110-120. http://lib.iitta.gov.ua/1383/1/st_soc_id_nik.pdf
4. Кроник, Кроник.
5. П. Нора. Теперішнє, нація, пам'ять. / Пер. с франц. – К.: Кліо, 2014. – 272с.
6. Рикер П. Память, история, забвение. / Пер. с франц. - М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века). 728 с.
7. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002 г. — 461 с.
8. Тишков В. Историческая культура и идентичность. – Гефтер. 08.10.2014. <http://gefter.ru/archive/13251>
9. Тишков В. Реквием по этносу.

10. *Vamik D. Volkan. "Bosnia-Herzegovina: Chosen Trauma and Its Transgenerational Transmission"*

Приложение

Оберіть найважливіше для вас зараз визначення (одне):

Я – громадянин (ка) (України, Радянського Союзу, Росії, або ін.) _____ (вказіть, будь ласка)

Я- мешканець свого регіону/міста (наприклад, кримчанин, одесит, з Донбасу) _____ (вказіть, будь ласка)

Я- українець (росіянин, кримський татарин, вірменин, болгарин і.т.д.) _____ (вказіть, будь ласка)

Відповідно до обраного Вами самовизначення, напишіть, будь ласка, ті історичні події, що ви вважаєте важливими для вашої спільноти (країни або регіона/міста або народу)

Відповідно до обраного Вами самовизначення, напишіть, будь ласка, ті події, що ви вважаєте важливими для вашої спільноти (країни або регіона/міста або народу) в сьогоднішні

Відповідно до обраного Вами самовизначення, напишіть, будь ласка, ті важливі події для вашої спільноти (країни або регіона/міста або народу), що ви очікуєте в майбутньому.